

пролил целое море крови, а мне сдается, то была кровь кур, гусей и уток.

Сидел он однажды расфуфыренный в кабаке среди своих дружков и опять начал повествовать о своих подвигах; наконец, они раскусили его и принялись подзадоривать. Слово за слово упомянули о том, что нынче вечером преставилась одна старуха, а поскольку хоронить ее было поздно и дома не хотели оставлять на ночь мертвое тело, то и отнесли его на носилках в мертвецкую, отложив похороны до утра. А всем собутыльникам предстояло возвращаться из кабака через кладбище, и другой дороги не было; вот они и поддразнивали друг друга, страшая один другого мертвой старухой. Славный вояка и покоритель крепостей дорого бы дал за то, чтобы оказаться миль за десять; очень уж он боялся мертвой старухи, которая при жизни едва-едва ковыляла, опираясь на палку, и не могла бы его пальцем тронуть. Другие собутыльники смекнули, каково ему, и чем дальше, тем больше изощрались в запугивании, пока пот не прошиб доброго ландскнехта, не смевшего показать этого, чтобы не осрамиться. Наконец, дело дошло до того, что принялись биться об заклад, у кого хватит духу первым без огня пройти по кладбищу и глянуть, горит ли в мертвецкой свеча или лампа. По существу, всех занимало одно: испытать, кто из них мужчина, а кто мокрая курица. Наконец, дошла очередь до нашего смельчака. Осердясь, он встал из-за стола, не слушая дальнейших утрашений, заплатил по счету, взял свой плащ и отправился домой.

А никакой другой дороги он не знал: или иди через кладбище, или перебирайся вброд через глубокий ручей. Вот и пошел он скрепя сердце с превеликим страхом и трепетом через кладбище. Приблизившись к мертвецкой, он закутал себе голову плащом и заткнул уши пальцами, как будто он мог услышать крик старухи, онемевшей еще при жизни. Наш вояка прибавил шагу, чтобы поскорее миновать кладбище. Но голова его была закутана плащом, и он ничего не видел, воображал, что удаляется от мертвецкой, а сам уперся прямо в нее, нечаянно ступил на лестницу и, беспомощный, загремел вниз по каменным ступеням. А в мертвецкой стояли козлы, вот он и свалился на них, сломав себе ногу; голову и лицо он расквасил уже на лестнице. Он жалобно завопил, но никто не пришел к нему на помощь, так как никто его не слышал. Тогда напал на него такой страх, такой ужас и такая жуть, что ему голос перехватило; он только вздыхал тяжело и всхлипывал. Его собутыльники упились властью и тоже пошли домой. Когда они проходили мимо мертвецкой, до них донеслись всхлипыванья бедняги, но они подумали, что старуха пришла в себя. И так как у них была свеча, они спустились в мертвецкую и нашли своего товарища, лежавшего на козлах со сломанной ногой. Они перенесли его в дом врача, и тот сделал ему перевязку. Тогда и рассказал он свою историю по порядку. И они посмеялись над великим ущербом, который он претерпел, и он убедился, что недаром говорят: нет хуже ущерба, чем позор.

43

КРЕСТЬЯНИН ПОПЫТАЛСЯ ОБМАНОМ ЗАПОЛУЧИТЬ ЛОШАДЬ ВОИНА, ДЕЛО, ОДНАКО, ПОВЕРНУЛОСЬ ПРОТИВ НЕГО

Встречаются иногда пройдохи, способные при купле и продаже на любой обман и на любые козни ради выгоды, лишь бы кого-нибудь объегорить. Но даже крупный лис нередко наталкивается в своей норе на лиса еще крупнее. Так напоролся один маркграфский крестьянин на армейского коновала, который даже этого крестьянина умудрился обвести вокруг пальца. Сей ландскнехт, или армейский коновал, в пятницу заявился в деревню, где хозяйничал упомянутый крестьянин. А у ландскнехта был хорошенький коняга, на котором он и приехал. Оный коняга приглянулся крестьянину, вот он и осведомился у ландскнехта, не продажная ли сия животино. «Нет, – отвечал ландскнехт, – это лошадь для моей особы, и я не уступлю ее даже за двойную плату». Они пошли вместе выпить, и крестьянин ни о чем другом не толковал, кроме как о лошади, упорно приставал к ландскнехту с просьбой уступить ему животино. Ландскнехт, наблюдая такое упорство, подумал, что крестьянина надо отвадить, и сказал: «Я же сразу вам ответил, что моя лошадь непроданная; вы все равно не заплатили бы мне столько, сколько я запрошу». – «Любезный воин, – возразил крестьянин, – неужели ты полагаешь, что я не в состоянии заплатить за конягу столько, сколько он стоил тебе? Ты только назови цену, попробуй, отважусь ли я купить его». – «Идет, – сказал ландскнехт, – если уж ты так настроен, знай, что я не возьму за него меньше пятидесяти крон». А конь-то стоил крон двадцать пять, крестьянин это и сам видел. Вот он и сказал ландскнехту: «Ладно, браток, я тоже не шучу; даю тебе за твою лошадь сорок пять крон, двадцать пять бери тут же, остальные двадцать получишь в день святого Никогда». А ландскнехт подумал: «Посмотрим, мужичок, кто кого обдурит!» – «Дружище, – сказал он, – я бы не возражал против такой выплаты, если бы знал такого святого. Есть ли он в календаре?» – «Разумеется есть, иначе